

Д. Н. Худоназаров

**ДМИТРИЙ ИВАНОВ —
ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПАМИРА**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена малоизвестным страницам жизни выдающегося горного инженера Дмитрия Львовича Иванова, периоду его участия в первой официально заявленной российской экспедиции для военно-географического изучения Памира. Экспедиция, спешно подготовленная и недостаточно обеспеченная, работала летом 1883 г. в трудных природных условиях на малоизученной, высокогорной и, по сути, пустынной земле, названной «Крышей мира». Нехватка провизии вынудила Иванова обратиться к горцам Шугнана и Рушана. Он был первым русским, соприкоснувшимся с таджиками верховьев рек Гунта и Мургаба. Иванов оказался также первым русским исследователем, кто занялся этнографией и фольклором горцев, сочувственно описал их повседневную жизнь. Публикации Иванова о Памире около 20 лет были единственными полноценными источниками информации о жителях верховьев реки Пяндж. Статья основана прежде всего на выступлениях и очерках Иванова, опубликованных в 1883–1885 гг., а также на других документальных источниках, дана краткая биография Д. Л. Иванова.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Дмитрий Иванов, Памир, экспедиция, горцы-таджики, отряд, Шугнан, Рушан

УДК 910.4

DOI 10.31250/2618-8619-2019-2(4)-216-227

ХУДОНАЗАРОВ ДАВЛАТ НАЗАРОВИЧ — кинорежиссер, историк (Россия, Москва)

E-mail: davlatkh@yandex.ru

Летом 1883 г. войска эмира Афганистана Абдурахман-хана¹ захватили независимые припамирские ханства Шугнан, Рушан и Вахан. Господство афганцев продолжалось более десяти лет, и эти годы были черной полосой в истории таджиков Памира. Население сократилось втрое: часть погибла, часть нашла убежище в Фергане, Китайском Туркестане и Северной Индии.

Свидетелем афганского нашествия стал капитан Генерального штаба Дмитрий Путята², возглавивший в 1883 г. первую официально заявленную российскую экспедицию для военно-географического изучения Памира, в состав которой вошли горный инженер Д. Л. Иванов и топограф Н. А. Бендерский³. Они работали вместе в трудных природных условиях на малоизученной земле, названной «Крышей мира». Там они увидели страдания таджиков от нашествия афганцев и услышали их мольбу о присоединении к России.

Стремление таджиков припамирских ханств оказаться под защитой российского императора реализовалась спустя 22 года. И то, что Россия в начале 1905 г. взяла их под свое крыло, стало безусловной заслугой многих офицеров, побывавших на Памире или прослуживших там. Однако первыми, кто проявил симпатию и сочувствие к горцам-таджикам, были участники экспедиции капитана Путяты, прежде всего Дмитрий Львович Иванов, инженер-геолог, один из первых исследователей Памира.

Дмитрий Иванов родился в 1846 г. в Нижнем Новгороде в дворянской семье подполковника, учился в Московском университете, но на втором году учебы, в 1866 г., был арестован и помещен в Петропавловскую крепость: ему были предъявлены тяжкие обвинения (Шилов, Карнаухова 1928: 81, кол. 143–144). Иванов и еще 33 молодых человека были привлечены к суду после покушения на жизнь императора Александра II. Стрелявший в него 25-летний Дмитрий Каракозов был публично повешен на Смоленском поле Санкт-Петербурга. Иванов был обвинен в недонесении о существовании революционного общества, и приговорен к лишению прав состояния и ссылке в Сибирь, замененной по указу Александра II военной службой в качестве рядового (Обручев 1937: 25).

Несколько лет Иванов провел в Туркестане, где отважно участвовал в военных действиях, дослужился до прапорщика, за личную храбрость был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Он смог вернуться в Петербург лишь через восемь лет после осуждения, поступил в Горный институт, окончил его в 1878 г. и сразу же вернулся в Туркестан. Там он служил чиновником особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе (1879–1882), в 1880 г. участвовал в экспедиции И. В. Мушкетова⁴ на Зеравшанский ледник и был ключевой фигурой в Памирской экспедиции Д. В. Путяты. За эти исследования Иванов был награжден малыми серебряной и золотой медалями РГО. В 1885 г. он проводил исследования на Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье, в 1888 г. возглавил Южно-Уссурийскую экспедицию, в 1899 г. назначен начальником Иркутского горного управления, в ведении которого находилась вся Восточная Сибирь. С 1905 г. Иванов — директор Кавказских минеральных вод: там он впервые организовал геологические и гидрогеологические исследования, при нем была построена сейсмическая станция, налажены метеорологические наблюдения, благоустроивались бюветы и лечебницы. Дмитрий Львович не брал взяток и не позволял это делать другим. Его активные административные действия и отсутствие какой-либо коррупции привели к серьезному конфликту с царским наместником на Кавказе. В 1907 г. Иванов

¹ Абдурахман-хан (1844–1901) — эмир Афганистана (с 1880 г.), жил в изгнании в Самарканде в 1870–1879 гг.

² Дмитрий Васильевич Путята (1855–1915) — генерал-лейтенант, военный агент в Китае (1886–1892), заведующий Азиатской частью Главного штаба (1898–1902), военный губернатор Амурской области (1902–1906).

³ Николай Александрович Бендерский (1845–1908) — топограф, начальник съемочного отделения Туркестанского военно-топографического отдела (с 1899 г.).

⁴ Иван Васильевич Мушкетов (1850–1902) — русский ученый, геолог и географ, путешественник, исследователь Средней Азии.

вынужденно подал в отставку, но продолжал экспертную деятельность в различных комиссиях. С 1919 г. он заведовал научным архивом Геологического комитета в Петрограде. Автор многочисленных публикаций, Дмитрий Львович, проявил себя как беллетрист и прекрасный рисовальщик. Часть его рисунков воспроизведена в трудах И. В. Мушкетова «Туркестан» и «Физическая геология» (Заболоцкий). Скончался Иванов 19 марта 1924 г.

ВЫМЫШЛЕННЫЕ «КУПЦЫ» В ПОИСКАХ ХЛЕБА

Вернемся, однако, к экспедиции капитана Путяты 1883 г. К тому времени, когда она оказалась на Памире, афганцы уже захватили Шугнан и Вахан. Поэтому капитан Путята старался не соприкасаться с ними, чтобы не осложнить положение своего отряда. Однако у отряда по истечении второго месяца закончились мука и крупы. Путята послал в ближайший шугнанский кишлак Сардым двух участников экспедиции из вспомогательной группы, состоявшей из местных жителей Туркестана (в отряде их называли «джигитами»). Они должны были выдать себя за торговцев, обменять товары (ситцы, бусы, халаты и т. п.) на провиант и возвратиться. Однако вымышленные «купцы» недооценили местных жителей — таджиков Сардыма, которые быстро опознали в них «русских» (Иванов 1885а: 617–618). Горцы рассказали «купцам» об афганцах, о хане, сообщили, что хлеба в эту пору не то что в их бедном Сардыме, но и во всем Шугнane не найдешь ни за какие деньги; тут пшеница в лучшем случае через месяц созреет. Джигиты купили пару барашков, несколько чашек сушеной ягоды шелковицы и вернулись назад.

Путята осознал свою ошибку и попросил Иванова отправиться в Сардым за провизией. Он хотел также понять, не натворили ли чего-то более серьезного мнимые купцы и не следует ли теперь ожидать вооруженных афганцев — это серьезно затруднило бы положение участников экспедиции.

ИВАНОВ ПО ПУТИ В САРДЫМ

Иванов с большими трудностями добрался до подступов к Сардыму и отправил туда своего переводчика Атабая, чтобы сообщить о своем приезде.

Описывая местность по дороге в Сардым, он приводит интересные сведения о населенности этой территории в прошлом:

...теперь здешние населения представляют ничтожный остаток от прежнего. Когда-то здесь стоял целый город с значительным числом домов — 6660, имевший особого управителя. Этот-то город и назывался “Гунт” (“г” выговор с придыханием, как малорусское). Тогда все моренные склоны были обработаны, разбиты на правильные террасы, орошены каналами. Тут кипела жизнь. Остатки ее чувствуются всюду и теперь. Можно заметить ясные горизонты основных каналов, многочисленные площадки полей, снесенные в груды с них крупные камни, остатки крепостцы, оригинальную караулку... В настоящую же минуту весь поселок этих мест (уже называющийся Сардым) состоял из 6 домов, по три на каждой стороне долины, и в них вряд ли было больше десятка мужиков (Иванов 1885а: 629–630).

Скорее всего, речь шла не о городе Гунт, а о горной долине под этим названием, ибо 6600 домов трудно было бы поместить в ограниченном, зажатом горами месте. Однако, возможно, существовало и большое село под аналогичным названием, жители которого были разорены и покинули свои дома.

Переводчик Атабай встретил Иванова за версту до Сардыма и сообщил: его там хорошо приняли, и аксакал здешних мест по имени Мирза, очень хороший человек, обещает всякое содействие.

ИВАНОВ В САРДЫМЕ

Перед маленьким селением Иванова встретили несколько горцев во главе с Мирзой, с которым у него сразу же сложились хорошие доверительные отношения: «Мирза оказался действительно весьма симпатичным и образованным человеком... был умница и очень добродушный человек. Вести с ним дело было бы приятно где угодно, а здесь, среди наивнейшего горского населения, он был просто находкой» (Иванов 1885а: 630).

Вскоре Иванов подготовил короткое письмо афганскому беку, нынешнему правителю Шугнана, Мирза перевел его на таджикский и должным образом записал.

Атабай, которого Иванов послал с этим письмом, получил от него простую и ясную инструкцию. Прежде всего добиваться разрешения проехать в Дарваз (хотя бы в сопровождении конвоя из афганцев), если же не получится, то достать провиант и подковы. Посланник должен был держаться деликатного и твердого тона, не врать ни в чем и не болтать зря. Другой джигит, Ходжа-Мамбет, сопровождал Атабая в качестве проводника и, для важности, в качестве почетной прислуги.

Иванов был огорчен, что с их отъездом остается без переводчика, его собственные знания местного языка были скудными, годились лишь для обыденного разговора. Вместе с тем появилась наконец возможность отдохнуть и людям, и лошадям, да и самому прийти в себя, привести в порядок собранный материал. Но отъезд Атабая и Ходжа-Мамбета сильно ограничил его в изучении и собирании этнографических и исторических сведений среди горцев-таджиков. В то время, когда он так близок к их жизни, возможности его общения с населением были серьезно затруднены: «Теперь, имея сравнительный досуг, я запутывался в сложные политические обстоятельства, попадал как бы под арест, без языка и возможности приглядеться к мелочам народного быта» (Иванов 1885а: 634).

В ответном письме, которое Иванов получил десять дней спустя, бек вежливо посоветовал ему возвратиться обратно (Иванов 1885b: 57). Одновременно до Иванова дошли слухи, будто афганцы подготовили засаду русским, а горцы-таджики из ниже расположенных кишлаков вооружаются, чтобы русских защитить.

Иванов дал команду готовиться к отъезду. Он решил вернуться на Памир, чтобы не провоцировать афганцев и не осложнять положение экспедиции.

На другое утро привезли груз от бека. Транспорт оказался беден: пуда два муки и фунтов 30 рису. Жители по приказанию бека доставили пять барашков, несколько чашек масла и в кожаном мешке кислое молоко. Иванов щедро расплатился с жителями, к их большой радости, отправил караван, провел еще час в Сардыме, словно завершил нечто недоделанное. Ему было очень жаль уходить из Шугнана, хотелось исследовать эту малоизвестную и оригинальную страну. Но обстоятельства вынуждали покинуть порог этого заветного для него уголка.

Сердечно простившись с Мирзой, он покинул Сардым и отправился догонять свой караван. По пути на Тукуз-Булак он снова обратил внимание на следы недавней культурной деятельности и на ряд бывших поселений, расположенных вдоль реки. Одни из них были брошены давно, другие — недавно: следы жизни в них были еще свежи. В Ак-Тайлаке были ясно видны остатки домов, фундамент кургана, следы оросительных арыков. Причину этого разорения Иванов видел в жестокости правителей и в многолетних мелких войнах, как междоусобных — между таджиками разных частей Шугнана, так и вызванных набегами киргизов. Выше по реке встретились горячие источники воды. Эти «горячие ключи» когда-то славились своей целебной силой, возле источника всегда был мазар, место ночлега для проезжающих. Теперь от всего этого остались едва заметные

жалкие следы. Только ключи, по-прежнему горячие, били по-старому... Но все вокруг них было затянато тиной, никто уже не приходил к ним лечиться... Не было мира, прочного мира, на границе «высокой крыши».

Вечером второго дня их догнал афганец, привезший письмо от бека. Ему было поручено проводить Иванова. Возразить афганцу было невозможно, поскольку ехали еще по территории Шугнана. На другой день караван начал подъем. Эту часть дороги шугнанцы называли «сарад». На таджикском языке слово сархад означает границу. Однако горцы, таджики Шугнана, под этим словом подразумевали не границу между странами, а природный переход — от глубоких, зажатых высоченными горами ущелий на высокое степное плато, совершенно нелюдимое, где тяжелые природные условия не позволяют человеку жить и которое называется «Помер».

Караван поднялся на перевал Куитезак, и вскоре перед ним открылся просторный, хорошо им знакомый Памир. Иванов остановился и обратился к афганцу и сопровождавшим его людям: «Здесь, на этом перевале, кончается граница Шугнана, далее идет божий Памир. Хозяин на нем тот, кто пришел раньше. Я пришел сюда первый, и этот Памир мой. Как вы мне не позволили пройти через шугнанские владения, так и я запрещаю вам ехать далее. Вы должны возвратиться. Владетель Памира — я» (Иванов 1885b: 73).

Иванов по просьбе афганца дал ему записку для бека, подтверждающую, что его проводили до границы Памира.

ПУТЬ ПО ПАМИРУ

Караван стал бодро спускаться по мягкой пологой дороге среди лугов со свежей молодой травой. Узкие, каменистые, трудно проходимые тропы Шугнана остались позади. Здесь Иванов и его люди могли не опасаться быть застигнутыми врасплох афганцами. Казаки разговорились, повеселели, слышались шутки по поводу афганцев, проважавших их и оставшихся позади.

Однако мысли Иванова были далеко не беззаботны. Два дня спустя ему на пути встретился Миразиз, один из переводчиков Путяты, с погонщиком. От него Иванов узнал, что группу Путяты в Вахане постигла неудача, на их долю выпали тяжелые испытания. Отряд оказался обессиленным, лошади подбиты, большинство из них без подков, хлеба никакого, кормились охотой. Путята направил Миразиза с погонщиком в Сарез для покупки хлеба, где он снова должен был изображать купца. Иванов же, помня, как Миразиз в Сардыме выдавал себя за «кашгарского купца», решил отправить его обратно, передав ему письмо для Путяты. Сам же, не теряя времени, свернул на дорогу в сторону кишлака Сарез, куда предстоял как минимум девятидневный тяжелый путь.

ПУТЬ ВДОЛЬ БЕРЕГОВ РЕКИ МУРГАБ

Вначале надо было добраться до верховьев реки Мургаб. Оттуда извилистый путь до Сареза на всем протяжении более ста верст состоял из ряда скал. Сплошной камень всех видов и разных размеров вдоль всего пути — камень тяжелый, трудный, опасный. Бесконечное чередование обвалов, осыпей, обрывов, подъемов, спусков, переправ и, наконец, «карниз» — путь по «балконам» — висячая дорога по палке, перекинутая с выступа на выступ. По пути броды через глубокою быструю реку. Каждую минуту можно было расстаться с жизнью.

Иванов и его люди от истоков реки Мургаб ехали верхом, затем чаще шли пешком и, наконец проделав 100 км пути, оказались недалеко от таджикского кишлака Сарез. Этот тогда маленький, никому не известный кишлак, 28 лет спустя — в 1911 г. — станет жертвой девятибального

землетрясения: завал горы уничтожит кишлак Усой и перекроет русло реки Мургаб, и селение окажется под водой, так же как и половина пути, проделанного Ивановым. Образовавшееся озеро длиной 70 километров будет названо Сарезким, по имени затопленного природным катаклизмом кишлака. Но тогда, в 1883 г. Иванов, усталый, изможденный долгой и очень трудной дорогой, приблизился к кишлаку и увидел, что навстречу ему идут люди. Это была первая встреча жителей Бартанга, самого труднодоступного памирского ущелья, с русским человеком.

Встречала его депутация с белобородыми старцами кишлака во главе, а рядом с ними несли деревянные подносы с едой. В саду на траве разостлали войлочные дорожки в два ряда, друг против друга: одна — для гостей во главе с Ивановым, а другая — для встречавших его людей.

Таджики Сареза встретили Дмитрия Львовича радушно, с большой радостью: они искренне надеялись, что с его приходом избавляются от гнета афганцев и становятся русскими поданными. Он деликатно ответил им, что ехал сюда как ученый и не в силах вмешиваться в их жизнь. Старики с пониманием кивали головой и повторно попросили взять их под покровительство России. Увидев их искренность, Иванов отбросил дипломатию и разъяснил им, что надо обращаться к русскому губернатору Ферганы. Вместе с тем он поделился своими сомнениями в успешности такого обращения (Иванов 1885b: 84–85).

Позже, через 10 лет после встречи Иванова с жителями Сареза, полковник М. Е. Ионов⁵, оказавшийся в этом же Бартангском ущелье, встретился с местным населением, услышал те же жалобы и испытывал то же чувство неловкости. Он, начальник памирских походов, был готов освободить их немедленно своей малой военной силой, однако ему в Петербурге в категорической форме приказали не ввязываться в военное столкновение с афганцами. Поэтому ему ничего не оставалось, как обещать жителям Бартанга, что он доведет их жалобу до большого начальства и сделает все зависящее от него, чтобы освободить их от афганского гнета (Лужецкая 2010). Свое обещание полковник Ионов выполнил год спустя: афганцы были изгнаны с правого берега реки Пяндж. Однако место афганцев вскоре заняли чиновники бухарского эмира.

Когда Иванов в 1883 г. советовал жителям бартангского села Сарез обратиться к бухарскому эмиру, они ему уже тогда ответили, что им совсем не хочется переходить под власть бухарцев. Далее Иванов спросил про афганцев:

— Ну, а как же афганцы? — спросил я.

— Авган к нам не попадет, мы его не пустим.

— Нет, он к нам не пройдет! — уверенно добавил кто-то. После переговоров насчет моих заказов я пожелал осмотреть Сарез.

— Для вас нет ничего запретного. Вы, как наш начальник, можете видеть все, — ответил любезно старшина. — Только едва ли найдете что-нибудь интересное — мы так бедны» (Иванов 1885b: 86).

ДОМ И ЖИТЕЛИ САРЕЗА

По просьбе Иванова ему показали дом одного из зажиточных горцев. Дом показался ему темным, загороженным всякими печурками и перегородками, с закопченными стенами, со сплошным черным потолком, со скудным светом, идущим через единственное окно сверху. Когда же он взгляделся, то увидел смысл во всей этой нелепости. Вот как он описывает свое впечатление:

⁵ Ионов Михаил Ефремович (1864–1924) — генерал от инфантерии, участник туркестанских походов, наказной атаман Семиреченского казачьего войска. Командовал экспедициями русских войск в 1891–1894 гг., освободил Памир от афганских и китайских постов.

Но когда я просидел с полминуты, привык к темноте и постепенно стал уяснять себе значение каждой подробности — странное дело! — хата как будто становилась светлее, из-за тесноты выглянула уютность и хозяйственность, высокий потолок с серединой, построенной по индийскому типу, давал простор воздуху. Кругом меня на нарах и на ступеньках очага живописно разместились горцы в их неделанных, свободных позах. Русая голова мальчугана торчала с полатей, другая выглядывала из-за столба, поддерживающего крышу. Простые лица, русые головы, непринужденная болтовня, искреннее, но сдержанное любопытство к моему живописанию, моему платью, моим расспросам почему-то вдруг напомнили мне нашу глухую деревню. Что-то было схожее, давно знакомое, родственное, хотя все детали были другие. Чем дольше я глядел во все окружающее, на меня все крепче веяло миром. Мне казалось, что этот народ возбуждает во мне не одно простое любопытство своей оригинальностью, как интересная новость, а что в нем есть что-то симпатичное, понятное моему чувству, хотя и неуловимое по новости впечатления. Было ли это делом субъективным — случайной волной некоторой излишней сентиментальности или впечатление меня не обманывало? Мое пребывание среди этого народа было слишком кратко, чтобы можно было твердо ответить на поставленный мною вопрос. Но встретившись вскоре с родственным хозяину горцем Дарваза и стараясь проверить себя в этом отношении, я должен был признать, что первые впечатления меня не обманули. И теперь, оглядываясь назад, я думаю также, что припамирские горцы-таджики действительно народ, имеющий в своей натуре много глубоко симпатичных свойств, способных невольно расположить к себе с первых же дней знакомства с этим народом... (Иванов 1885b: 88–89).

РАХМАТУЛЛА ЛЯЛЬБЕК, ЗНАТОК МЕСТНЫХ ПЕСЕН

«Ночлег я устроил в версте от Сареза, внутри небольшой загородки, которою было обнесено единственное здесь крошечное поле люцерны и единственное абрикосовое дерево. И то и другое представляли забаву — не больше, прихоть любителя: люцерна с этой площадки с каменистой почвой получалась низкая, редкая и снималась только один раз в лето, а урюк не давал плодов и шел очень туго. Ко мне набралась, конечно, масса народу и облепила забор, как воробьи. К вечеру сделалось довольно свежо, и резкий ветер, от которого нас спасала стенка, донял даже горцев, бывших снаружи: они разбрелись по домам.

При мне остался только один молодой красавец Рахматулла Ляльбек, обладатель прекрасного грудного тенора и замечательный знаток местных песен. Как только взошла луна, он не вытерпел и предложил что-нибудь спеть. Я, конечно, согласился. Он принес свой “сетор” (трехструнная гитара) и оказался большим мастером на этом несложном инструменте с очень длинным грифом.

Пел он прекрасно, выразительно, чему помогал его высокий нежный голос. Аккомпанементом на сеторе он владел в совершенстве. Но что меня поразило в его пении — это мотивы песен. Привыкши в Туркестане слышать горловые, натянутые голоса сартов и необыкновенно дикие и однообразные мотивы, я ждал чего-нибудь подобного же и здесь. И вдруг передо мной зазвучал какой-то хорошо мне знакомый романс, точно отрывок из какой-то оперы... Понятно, что это не было ни то ни другое, но вместе с тем что-то положительно знакомое, понятное, слышанное. Звучный оригинальный язык Шугнана еще более вводил в обман. Точно какая баркарола, народный напев итальянца...» (Иванов 1885b: 92).

Утром в Сарезе старики говорили о каком-то письме Иванову, но письма не было и он не мог понять, о чем идет речь. Понял он эту историю только тогда, когда встретился с Путяттой. Оказывается разные ходоки из Шугнана, Рушана и Вахана доставили русским письма с одинаковым содержанием, в них повторялось желание таджиков перейти в подданство России — они просили о присылке войск для избавления от афганцев.

Дмитрий Львович провел в Сарезе неполные сутки. Маленький кишлак старался помочь ему всеми силами. Крохотная водяная мельница подавала муку до его отъезда. Да и кузнец работал всю ночь, чтобы к утру подготовить подковы и половину из заказанных к ним гвоздей. Хлеб для русских пекли чуть ли не во всех очагах, и когда Иванов уезжал, ему несли из разных концов селения горячие лепешки разных видов и разной величины. Жители Сареза очень понравились Дмитрию Львовичу, и он снова пожалел, что обстоятельства не позволяют ему ближе и дольше взглянуть «в жизнь этого интересного во всех отношениях народа» (Иванов 1885b: 92–93).

Спустя 135 лет особый интерес вызывают памирские статьи, очерки, путевые заметки и рисунки Д. Л. Иванова (Иванов 1883a; 1883b; 1884a; 1884b; 1884c; 1885a; 1885b; 1885c; 1885d; 1885e; Ivanov 1884). Диву даешься, когда читаешь его многочисленные публикации, насыщенные существенной информацией. Невольно возникает вопрос: как он мог собрать за такое короткое время такие обширные полевые сведения? Иванов находился в Сардыме максимум десять дней в ожидании ответа афганца на свое письмо. Находился он постоянно в одном кишлаке, в лучшем случае мог совершить поездку в пару кишлаков, расположенных ниже Сардыма вдоль реки Гунт. Мог посетить всего несколько домов, пообщаться с очень ограниченным числом людей. К тому же его переводчик был послан с письмом к беку, и отсутствие толмача сильно ограничило его в изучении и собирании этнографических и исторических сведений среди горцев-таджиков. А в Сарезе он провел меньше суток. Однако за такое короткое время он увидел в жизни населения этих гор все главное: путь местного человека от рождения до смерти.

Иванов благодаря своему таланту художника-рисовальщика, хорошей памяти и знанию жизни горцев запечатлел разные пласты бытия человека на этой изолированной от мира скалистой земле. Еще в 1870 г., будучи вольноопределяющимся в отряде генерал-майора Абрамова, он принял участие в экспедиции к верховьям Зеравшана и озеру Искендеркуль. Уже тогда он впервые увидел таджиков-горцев, проявил интерес к укладу их жизни и зарисовал местные ландшафты. За несколько дней, проведенных в Сардыме и Сарезе в 1883 г., проницательный Иванов познакомился со всеми основными сферами жизни таджиков. Он зафиксировал, что они едят, во что одеваются, чем заняты мужчины, чем женщины, постарался понять характер их жизни и взаимоотношений, отметил даже меру свободы женщин Шугнана — их отличие от таджичек долины. Иванова интересовало жилище горцев — каковы тип и структура их дома, как дом выглядит изнутри, как снаружи, какое место занимает крыша дома в жизни людей; отметил он и мастерское умение строить дома из камня. Он изучил расположение полей и особенности их орошения. Подчеркнул приоритет, отданный пашням: под них отведены лучшие участки, а тесные, негодные для возделывания места отведены для жилья. Иванов оценил рациональное использование пространства, отведенного как людям, так и домашним животным. Записал, как строятся селения на кручах, на скалах, у края обрывов и т. д.

ИВАНОВ О ШУГНАНЕ И О ПРОЖИВАЮЩИХ ТАМ ЛЮДЯХ

В объемном очерке «Шугнан» (Иванов 1885a; 1885b) автор честно документировал все то, что видел и что слышал от местных жителей. Это особенно ценно, ибо устные предания дошли до нас в очень ограниченном и обрывистом виде. Важную часть очерка занимают исторические сведения о приходе к власти афганского эмира Абдурахман-хана, о взаимоотношениях Шугнана и Афганистана. Колоритно выписан образ Юсуф-Али Хана, властолюбивого правителя Шугнана, ставшего жертвой своей алчности и жесткости. Позже другие свидетели того времени расскажут

о жестокостях афганцев, однако местные правители останутся за пределами их внимания. Иванов же дал картину жизни горцев в контексте исторического времени.

Интересны размышления Иванова о том, как сложилось население высокогорья, как оно убедело древние черты своей культуры в условиях природной изолированности. Оно не смешалось с культурой завоевателей, как это случалось на равнинных просторах Средней Азии. Предки горных таджиков сохранили, передавая из поколения в поколение, пласты и фрагменты традиционной этнической культуры.

Какие бури и грозы, какие потоки крови угнали сюда, в тесные ущелья припамирских стран, то население, которое мы встречаем здесь в настоящее время? Ничего мы не знаем. Но, вглядываясь в этих людей, знакомясь с их мировоззрением, характером, бытом, с их культурой, мы встречаем так много своеобразного, глубоко любопытного, наконец, симпатичного... (Иванов 1885а: 644).

Иванов писал и о внутреннем культурном единстве горцев, и об изменениях в традициях, быте и повседневной жизни под влиянием городов, мусульманских центров. По мере спуска от изолированных гор к равнине за века менялся этнический облик таджиков, близость к городам меняла равнинных жителей, на уклады разных этнических групп населения наслоились общемусульманские традиции, пришедшие из арабского мира.

ГОРЦЫ-ТАДЖИКИ

Еще лет 70 назад, в середине XX в., сохранялось понятие «Кухистон», «Страна гор», где проживают горцы-таджики от Зерафшана и Рашта до верховьев Амударьи. Единство кухистанцев — горцев-таджиков — подразумевало их этническое и культурное родство. Мо мардуми Кухистон, моро аз як хамер пухтаанд — «Мы люди Страны гор, нас испекли из одного теста». Эту или похожую фразу можно было услышать в разных горных частях нынешнего Таджикистана. Иванов писал о внутреннем культурном единстве горцев и о серьезных изменениях в их традициях, быте и повседневной жизни под влиянием городов, мусульманских центров.

Иванова интересовали вопросы этнической идентификации и самобытности культуры. Очень немногие европейские путешественники побывавшие на Памире до и после него интересовались тем же. В конце XIX — начале XX в. вопрос об этническом или тем более национальном происхождении народов Средней Азии был не очень актуален. Национальная принадлежность вышла на первый план во время национально-территориального размежевания в начале 1920-х гг. До этого все смазывалось понятием «сарт», о котором так образно написал Иванов. Он же без труда определил этническое родство двух таджиков, жителя Сардыма и своего джигита Ахуна, горца — ««гальча» с верхнего Зеравшана, во многом сходным с здешним, но уже считавшим себя столично образованным (бывал даже в Ташкенте и имел золотую медаль!) по сравнению «с диким шугнанцем»» (Иванов 1885а: 628).

ГОРЦЫ И ИХ СРЕДА ОБИТАНИЯ

Иванов в своем очерке делает акцент на том, как среда, в данном случае высокогорье, оказывает воздействие на весь склад человеческой жизни.

Смелый, выносливый, не знающий роскоши, страстно привязанный к своим горам охотник, суеверный обожатель грандиозной природы высоких гор, искренний поэт — горец прежде всего дышит независимостью, уверенностью в самом себе; он черезчур ревнив ко всему своему, родному, нажитому в уединенных, диких, но прелестных и дорогих горах... Но не надо забывать, что мы говорим

о горце-таджике, принесшем к Памиру прочную культуру земледельца, что коренным образом отличает его от горного киргиза-кочевника. Основную черту натуры горского таджика составляет необыкновенная любовь к оседлости, к земле, к хозяйству, к семье. Добрый семьянин, мирный пастух и земледелец, он в своих мелких горных гнездах является невольным хранителем патриархальных традиций и обычаев (Иванов 1885а: 648–650).

ПАМИРЕЦ

Интересно, что именно Иванов первым использовал термин «памирец», ставший ныне особенно популярным среди трудовых мигрантов в России из Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан. Ни в 1883 г., ни 80 лет спустя в Шугнани, Рушани, Ишкашине никто не называл себя памирцем, да и не могли назвать, ибо все знали, что Памир (Помер) расположен там, на востоке, где их родные ущелья и высоченные горы переходят в длинное, безлюдное, безжизненное плато. У Иванова об этом сказано предельно просто: «Поезжайте в долину Гунта или Шохдары и спросите: здесь Памир? — Нет, ответят вам, здесь Шугнан, а Памир на востоке...» (Иванов 1885с: 132).

В один из дней на Памире Дмитрий Львович, усталый после долго перехода по «Крыше мира», по бесконечной Аличурской степи, лежа у костра, написал в своем дневнике о себе как об «одичавшем памирце» (Иванов 1885а: 624). Таким образом, Иванов был первым, кто назвал себя памирцем. Не случайно, когда он поднялся после Шугнана на перевал и перед ним открылось хорошо ему знакомое просторное плато, он заявил: «Я пришел сюда первый, и этот Памир мой...» (Иванов 1885b: 73).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале статьи было сказано, что в фактическом присоединении Западного Памира к России в 1905 г. велика заслуга первых военных исследователей. Их служебные отчеты, рапорты и статьи сформировали первичный фундамент политики военного ведомства России по Памиру.

Нет сомнения, что в последующие годы высшие должностные лица (прежде всего офицеры или дипломаты), причастные к принятию тех или иных важных решений по Памиру, были знакомы со статьями и отчетами Иванова и Путяты. Одними из первых среди них были военный министр Ванновский⁶ и начальник Главного штаба России генерал Обручев⁷, которые были сторонниками освобождения припамирских ханств от афганцев во время первых походов полковника Ионава. Им противостояли высшие должностные лица Министерства иностранных дел. Военный министр даже отправил своего 24-летнего сына, штабс-капитана Ванновского⁸, по следам Иванова. Летом 1893 г. ему было поручено тяжелейшее задание — произвести рекогносцировку Бартангского ущелья Рушана и сопредельной части Дарваза (Лужецкая 2005: 134–152).

Хотя Иванов был геологом-естествоиспытателем, членом военной экспедиции, в круг обязанностей которого, безусловно, входили также разведывательные и топографические исследования,

⁶ Ванновский Петр Семенович (1822–1904) — генерал от инфантерии, военный министр (1881–1898), министр народного просвещения (1901–1902), почетный член АН (с 1888 г.).

⁷ Обручев Николай Николаевич (1830–1904) — генерал от инфантерии, начальник Главного штаба (1881–1897). Один из главных деятелей военных реформ вооруженных сил императорской России 1860-х годов, профессор Николаевской академии Генерального штаба.

⁸ Ванновский Сергей Петрович (1869–1914) — генерал-лейтенант, герой Первой мировой войны. С мая 1893 г. по январь 1894 г. был прикомандирован к штабу Туркестанского военного округа. Принимал участие в Памирских походах полковника Ионава, был в перестрелках с афганцами, в июле-октябре 1893 г. совершил самостоятельную экспедицию в район реки Бартанга.

однако известным он стал благодаря своему писательскому таланту, документальным очеркам, в том числе историческим и этнографическим зарисовкам про таджиков Памира. Таким образом, горный инженер Иванов оказался первым русским исследователем, написавшим про повседневную жизнь горцев, про их фольклор.

Конечно, это не было предметом его профессиональных исследований — он просто проявил глубокий интерес к человеческому бытию в очень трудных природных условиях. Любознательность Иванова определялась его стремлением как можно ближе познать жизнь другого народа. В отличие от многих прошлых и будущих путешественников, российских и европейских, побывавших на Памире, он присматривался к людям другой культуры, отбрасывая барьеры, разделяющие людей. Ему были интересны именно местные люди с их тяжелой судьбой, и он относился к ним дружески, с сочувствием и уважением.

Дмитрий Львович Иванов первым в 1883 г. собрал лингвистические и фольклорные образцы шугнанского языка. В 1895 г. академик К. Г. Залеман⁹ издал «Шугнанский словарь Д. Л. Иванова» (Залеман 1895), который стал первым «кирпичом» в фундаменте дальнейшего изучения шугнанского и других припамирских языков российскими исследователями.

Статьи Иванова о Памире, в которых он столь ярко проявил симпатию и сочувствие к горцам-таджикам, около 20 лет были единственными полноценными источниками информации о жителях верховьев реки Пяндж, поэтому они могли стать «настоятельными» для каждого, кто в последующие годы по служебным делам направлялся на Памир.

Д. Л. Иванов был первым русским, соприкоснувшимся с местным населением верховьев рек Гунта и Мургаба. Его встречи с таджиками, их взаимная симпатия выявили важность человеческого фактора, который, как мне думается, сыграл важную роль в присоединении Памира к России.

Дмитрий Львович Иванов, поистине совершивший подвиг вместе со своими товарищами по экспедиции, сделал все возможное, чтобы привлечь внимание властей и общественности России к бедственному положению горцев-таджиков в верховьях реки Пяндж.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Залеман Г. К. Шугнанский словарь Д. Л. Иванова. СПб., 1895.

Заблоцкий Е. М. Биографический словарь деятелей горной службы дореволюционной России. URL: <http://rusmin.narod.ru/D09.html> (дата обращения: 26.02.2019).

Иванов Д. Л. Памирские экспедиции 1883 г. // Известия РГО. 1883а. Т. 19, вып. 4. С. 332–340.

Иванов Д. Л. Экспедиция на Памир // Туркестанские ведомости. 1883b.

Иванов Д. Л. Орографический характер Памира // Известия Императорского Русского географического общества, 1884а. Т. 20, вып. 3. С. 252–268.

Иванов Д. Л. Памирская экспедиция 1883 г. // Восточное обозрение. 1884b.

Иванов Д. Л. Путешествие на Памир // Известия РГО. 1884с. Т. 20, вып. 5. С. 209–252.

Иванов Д. Л. Шугнан: афганские очерки // Вестник Европы. 1885а. Т. 3, кн. 6. С. 612–658.

Иванов Д. Л. Шугнан: афганские очерки // Вестник Европы. 1885b. Т. 3, кн. 7. С. 48–97.

Иванов Д. Л. Что называть Памиром? // Известия РГО. 1885с. Т. 21, вып. 2. С. 131–145.

Иванов Д. Л. Памир (Пуп Земли) // Новь. 1885d. № 23. С. 315–340.

Иванов Д. Л. Памир (Пуп Земли) // Новь. 1885е. № 24. С. 475–500.

⁹ Карл Германович Залеман (1849–1916) — русский филолог-иранист, академик Петербургской академии наук (1895), директор Азиатского музея АН (с 1890 г.).

Лужецкая Н. Л. Материалы к истории разграничения на Памире в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН (фонд А. Е. Снесарева): «Отчет Генерального Штаба капитана Ванновского по рекогносцировке в Рушане» (1893 г.) // Письменные памятники Востока. 2005. № 2 (3). С. 134–152.

Лужецкая Н. Л. Материалы Архива востоковедов ИВР РАН о движении летучего отряда полковника Ионова на р. Бартанг в Рушане. 1893 // Письменные памятники Востока. 2010. № 1 (12). С. 223–236.

Обручев В. А. История геологического исследования Сибири. М.; Л., 1937.

Шилов А. А., Карнаухова М. Г. Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. М., 1928. Т. 1, ч. 2.

Ivanov D. L. Expédition russe au Pamir // C. R. Soc. Géogr. 1884. № 6. P. 163–166.

DMITRY IVANOV — THE FIRST RUSSIAN EXPLORER OF THE PAMIR

ABSTRACT. The article is devoted to little-known facts about the life of the outstanding mining engineer Dmitry L. Ivanov and the period of his participation in the first official Russian expedition, which was undertaken for the military-geographical study of the Pamirs. The expedition carried out its surveys in the summer of 1883 in difficult natural conditions in the high uncharted mountainous deserted land known as the “Roof of the World”. The scarcity of supplies forced Ivanov to turn to the mountain dwellers of Shugnan and Rushan for help. He was the first Russian to come into contact with the Tajiks of the upper reaches of Ghunt and Murgab rivers. Ivanov was the first Russian explorer who engaged in the folklore and ethnographic studies of the mountain people, describing their daily life with profound insight and sympathy. Ivanov’s publications were the only sources of information about the inhabitants of the upper reaches of the Panj River for approximately twenty years. The article draws on the speeches and essays of Ivanov published in 1883–1885, as well as on other documentary sources, and also provides his short biography.

KEYWORDS: Dmitry Ivanov, Pamir, expedition, mountain Tajiks, detachment, Shugnan, Rushan

DAVLAT N. KHUDONAZAROV — film director, historian (Russia, Moscow)

E-mail: davlatkh@yandex.ru